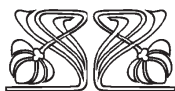
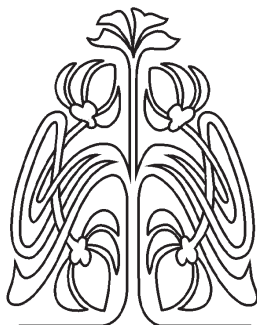
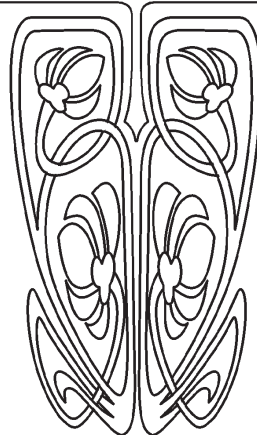

ЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 102–107

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 102–107

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-102-107>

EDN: TNCLMU

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1+929[Иванов+Адамович]

Концепт (не)возвращения в поэзии Г. Иванова и Г. Адамовича (к 100-летию эмиграции)

И. А. Тарасова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 4100012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры начального языкового и литературного образования, tarasovaia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3188-215X>

Аннотация. Статья посвящена реконструкции концепта (не)возвращения в лирике Г. Адамовича и Г. Иванова. Концепт рассматривается двояко: как образ в пространстве культуры и как методологическая формула анализа образов художественного сознания. Основными лексическими средствами репрезентации концепта являются однокоренные глагольные формы, наиболее частотная из которых – глагол «вернуться». Предполагается, что ядром концепта (не)возвращения является топологическая схема движения, включающая субъекта перемещения, маршрут, среду, средство перемещения и оценку результата движения. Показывается, как варьируется базовая схема в текстах двух поэтов. Отличия в перепрофилировании базовой схемы движения состоят в концептуализации способа и среды перемещения в текстах Г. Адамовича, разветвленной образной интерпретации начальной и конечной точек пути в лирике Г. Иванова. В поэзии Г. Иванова валентность локатива при глаголе *вернуться* заполняется тремя лексемами: *в Россию, в Петербург, домой*. Образы России и дома внутренне антиномичны. Россия объединяет три ментальных пространства художественного мира: Россию-империю, советскую Россию и воображаемую родину. Образные репрезентации дома варьируются от представлений о покинутой родине до последнего приюта в вечности. Для петербургских поэтов Г. Иванова и Г. Адамовича мысль о возвращении в Россию неизменно связывалась с образом Петербурга, обуславливала появление элементов петербургского текста. Пространство возвращения – это пространство общей памяти. Антиномичный характер концепта подтверждается как его лексическими репрезентациями, так и амбивалентностью оценки самой идеи и возможности возвращения на родину.

Ключевые слова: эмиграция первой волны, Г. Иванов, Г. Адамович, концепт

Для цитирования: Тарасова И. А. Концепт (не)возвращения в поэзии Г. Иванова и Г. Адамовича (к 100-летию эмиграции) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 102–107. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-102-107>, EDN: TNCLMU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**The concept of (non)return in the poetry of G. Ivanov and G. Adamovich
(to the 100th anniversary of emigration)**

I. A. Tarasova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina A. Tarasova, tarasovaia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3188-215X>

Abstract. The article deals with the reconstruction of the concept of (non)return in the lyrical poetry of G. Adamovich and G. Ivanov. The concept is considered in two ways: as an image in the space of culture and as a methodological formula for the analysis of images of the artistic consciousness. The main lexical means of representing the concept are cognate verb forms, the most frequent of which is the verb "return". It is assumed that the core of the concept of (non)return is the topological scheme of movement, including the subject of movement, the route, the environment, the means of movement, and the assessment of the result of movement. It is shown how the basic scheme varies in the texts of the two poets. The adaptations of the basic scheme of movement differ in the conceptualization of the method and environment of movement in the texts of G. Adamovich, in manifold figurative interpretation of the starting and ending points of the path in the poetry of G. Ivanov. In the poetry of G. Ivanov, the valency of the locative with the verb *to return* is filled with three lexemes: *to Russia, to St. Petersburg, home*. The images of Russia and the home are internally antinomic. Russia unites three mental spaces of the artistic world: Russia-empire, Soviet Russia and an imaginary homeland. Figurative representations of home range from ideas of an abandoned homeland to the last refuge in eternity. For the St. Petersburg poets G. Ivanov and G. Adamovich, the idea of returning to Russia was invariably associated with the image of St. Petersburg, causing the appearance of elements of the St. Petersburg text. The space of return is the space of their shared memory. The antinomic nature of the concept is confirmed both by its lexical representations and by the ambivalence of the assessment of the idea itself and of the possibility of returning home.

Keywords: emigration of the first wave, G. Ivanov, G. Adamovich, concept

For citation: Tarasova I. A. The concept of (non)return in the poetry of G. Ivanov and G. Adamovich (to the 100th anniversary of emigration). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 102–107 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-102-107>, EDN: TNCLMU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Георгий Иванов покинул Россию осенью 1922 г. В самом начале 1923 г. вслед за своими соратниками по «Цеху поэтов» Г. Ивановым, И. Одоевцевой, Н. Оцупом уезжает за границу Георгий Адамович [1, с. 377]. В Россию они не вернулись, однако концепт (не)возвращения стал ключевым в художественном сознании поэтов-эмигрантов первой волны. Цель статьи – проанализировать структуру этого концепта в поэтическом мире Г. Иванова и Г. Адамовича, выявить его инвариантные компоненты и специфические особенности в творчестве каждого из поэтов.

Термин «концепт» имеет два значения [2]. В проекции на авторское сознание – это образ в пространстве культуры. Для исследователя концепт – удобная методологическая формула анализа, которая помогает дискретизировать образ как континуальную модель художественной действительности [3]. В нашем понимании концепт включает образное и/или логическое ядро, эмоционально-оценочный и ассоциативно-символический слой. Используя эту схему, реконструируем концепт (не)возвращения по текстам эмигрантской лирики Г. Иванова и Г. Адамовича.

Номинация концепта – (не)возвращение – указывает на его бинарный характер. По определению М. В. Пименовой, к бинарным концептам

относятся такие, слова-репрезентанты которых являются антонимами [4, с. 128]. Подобная энантиосемия в названии концепта доказывается существованием в лексиконе обоих поэтов параллельных форм репрезентантов с частицей *не* и без нее: *вернемся – не вернемся, не вернуть – возвращать, вернутся – не вернут, не вернется*.

Языковые базовые экспликации концепта включают ряд однокоренных слов: *(не)вернуться, (не)вернуть, возвращать, возвращаться, возврат*, несущих семантику передвижения. В качестве контекстуальных синонимов основных глагольных лексем выступают глаголы передвижения *брести, добрести, добраться, прийти*. Это позволяет принять за ядро концепта топологическую схему движения, включающую следующие составляющие:

- субъект передвижения;
- маршрут (начальная и конечная точка);
- среда и способ передвижения [5, с. 367].

Еще один потенциальный компонент базовой схемы – наблюдатель – практически во всех проанализированных контекстах совпадает с субъектом передвижения и одновременно с субъектом речи, что позволяет рассматривать мотив возвращения как внутреннюю характеристику лирического «я».

Наиболее полно эта ядерная когнитивно-пропозициональная схема [6, с. 67] реализована

в стихотворении Г. Адамовича «Когда мы в Россию вернемся...» [7, с. 77]. Носитель идеи возвращения, глагол «вернемся», повторяется в нем дважды: в начале и в конце текста. Кроме того, дважды (в начале второй и третьей строфы) этот опорный компонент рефрена скрывается за многоточием, вызывающим ключевое слово в читательской памяти: «Когда мы в Россию... Когда мы...» [7, с. 78].

Субъект перемещения – обобщенное «мы», указывающее на круг близких лирическому герою лиц, для своей расшифровки требует знания автобиографического контекста, так же как и остающаяся неназванной начальная точка движения: *мы* – русские эмигранты, более десяти лет живущие за границей (стихотворение создано в 1936 г.).

Коммуникативный акцент, поддержанный инверсией, сделан на конечной точке пути – «Когда мы в Россию вернемся». Макрообраз России задает основные парадигмы образов, через которые интерпретируется мотив возвращения:

– образ холода и снега («в стоградусные холода», «в морозной предутренней мгле», «в морозном и спящем Кремле», «но снегом её замело»);

– образы религиозной семантики («как будто “Коль славен” играют», «колышутся тонкие свечи»);

– амбивалентные государственные символы России («Коль славен» – «трехцветным позором колышется нищенский флаг»).

Те же группы образов входят в ассоциативный слой концепта в поэзии Г. Иванова.

В фокус внимания субъекта речи попадает способ перемещения. Как контекстуальный синоним ключевого слова используется глагол *добрести* – «с трудом дойти, дотащиться» [8]; «медленно, с трудом дойти до какого-л. места» [9, т. 1, с. 408]. Фигура симплоки подчеркивает средство передвижения – *пешком*: «Пешком, по разбитым дорогам, в стоградусные холода, / Без всяких коней и триумфов, без всяких там кликов, пешком» [7, с. 77]. Особенностью наполнения базовой схемы движения Г. Адамовичем, в отличие от Г. Иванова, является концептуализация затрудненной среды перемещения: *по разбитым дорогам*.

Базовая когнитивно-пропозициональная схема перемещения дополняется в поэтическом тексте обязательным указанием на оценку пути, которая непосредственно содержится в микроконтексте («Когда мы в Россию... Колышется счастье в бреде» [7, с. 78]), и в то же время возникает из соположения образов: путь в Россию оказывается дорогой смерти: «Пора собираться. Светает. Пора бы и двигаться в путь. Две медных

монеты на веки. Скрещенные руки на грудь» [7, с. 78]. Амбивалентность оценки возвращения присуща и Г. Иванову.

В других стихотворениях Г. Адамовича топологическая схема возвращения реализуется в усеченном виде, в фокусе оказывается один из ее компонентов. Особенно интересным в этом плане представляется посвященный З. Гиппиус фрагмент «Там, где-нибудь, когда-нибудь...» (1927), в котором элиминируется конечная точка движения, что чрезвычайно важно в концептуальном отношении. Опорным носителем мотива оказывается глагол *брести*, выступающий на этот раз в форме несовершенного вида, называющий процесс безотносительно к его результату. Неопределенность семантики усиливается грамматическими средствами: указательным местоимением *там*, употребленным в нереферентной функции, отрицательными конструкциями с частицей *не* и вопросительно-указательными местоимениями («Не знаю что, не понимаю как» [7, с. 91]), неопределенными наречиями времени, повторяющимися в начальной и финальной строках (*где-нибудь, когда-нибудь*), модальным словом с семантикой предположительности (*наверно*) в сильной позиции конца текста. Последнее, в силу своей энантиосемии, служит средством амбивалентной оценки возможности возвращения (наверное 1. `несомненно, верно, точно`; 2. `вероятно, по-видимому» [9, т. 2, с. 330]).

Маркерами мотива возвращения являются «русские» детали, образы дребезжащей телеги и косого дождя, акцентирующие внимание на среде перемещения:

У склона гор, на берегу реки,
Или за дребезжащею телегой,
Бредя привычно под косым дождем,
Под низким, белым, бесконечным небом
[7, с. 91]

(ср. также в другом тексте: «под дождем, под леденящим ветром, к дому, к дому» [7, с. 76]).

В поэзии Г. Иванова валентность локатива при глаголе *вернуться* заполняется тремя лексемами: *в Россию, в Петербург, домой*.

Образ России отличает внутренняя антиномичность: он объединяет три ментальных пространства художественного мира: Россию-империю, советскую Россию и воображаемую (идеализированную) родину [10, с. 144].

В оценке России-империи оба поэта сходятся: «Над нами трехцветным позором колышется нищенский флаг» [7, с. 78] – «Не изнемог в бою Орел Двуглавый, / А жутко, унижительно издох» [11, с. 397].

Мысль о гибели прежней России воплощается у Г. Иванова в стихотворениях, построенных

по модели отрицания: «А может быть, России вообще нет» [11, с. 299]; «Нет в России даже дорогих могил <...> Нету Петербурга, Киева, Москвы...» [11, с. 382]; «И нет ни России, ни мира...» [11, с. 422] – вплоть до знаменитого: «Хорошо, что нет Царя, / Хорошо, что нет России...» [11, с. 276].

Двойная точка зрения на ситуацию невозвращения выражается Г. Ивановым через конверсивное употребление глагольных форм (не)вернуть, возвращать, характеризующих не лирического субъекта, а объект действия: «И не воскреснут из гробов, И не вернут былой свободы...» [11, с. 304]; «Ничего не вернуть. / И зачем возвращать?» [11, с. 338].

В отличие от Г. Адамовича, Г. Ивановым отрафлексирован «советский» сегмент концепта, служащий своеобразным оправданием невозвращения. Модальность изображения варьируется от трагической («Холодно. В сумерках этой страны / Гибнут друзья, торжествуют враги» [11, с. 332]; «А может быть, Россия только страх. / Веревка, пуля, ледяная тьма / И музыка, сводящая с ума» [11, с. 299]) до иронической и сатирической («Двухсотмиллионная Россия, – / “Рай пролетарского труда” <...> / И на кремлевском троне “царь” / В коммунистическом мундире» [11, с. 530]). Трагическая тональность определяет образные параллели Россия – снежная тюрьма, Россия – пустое пространство:

Россия счастье. Россия свет...
А может быть, России вообще нет
<...>
И нет ни Петербурга, ни Кремля –
Одни снега, снега, поля, поля...
<...>
Снега, снега, снега... А ночь темна,
И никогда не кончится она [11, с. 299].

В результате возвращение в поэзии Г. Иванова носит не физический, а трансфизический, ментальный характер: «Но я не забыл, что обещано мне / Воскреснуть. Вернуться в Россию – стихами» [11, с. 573]. Ментальный характер возвращения предопределяет «прозрачность» среды передвижения, отсутствие препятствий в ее преодолении.

Для петербургских поэтов Г. Иванова и Г. Адамовича мысль о возвращении в Россию неизменно связывалась с образом Петербурга, обуславливала появление элементов петербургского текста [12, с. 259] как специфической символической реальности, «входом» в которую служат элементы вещно-предметного кода (закат, Нева, лед, холод, иней, вьюга и т. д.). Из этих поэтических реалий можно собрать диалог образов, ассоциативно связанных с мотивом возвращения в Петербург: «Что там было? Ширь

закатов блеклых, / Золоченых шпилей легкий взлет...» (Г. Адамович) [7, с. 78] – «Над широкой Невой догорал закат, / Цепенели дворцы, чернели мосты» (Г. Иванов) [11, с. 265]; «Ледяные розаны на стеклах, / Лед на улицах и в душах лед» (Г. Адамович) [7, с. 78] – «Все, кто блистал в тринадцатом году – / Лишь призраки на петербургском льду (Г. Иванов) [11, с. 287]; «И вижу реку всю в снегу, / Весь город наш, навек единый» (Г. Адамович) [7, с. 79] – «Зимний день. Петербург. С Гумилевым вдвоем, / Вдоль замерзшей Невы, как по берегу Леты, / Мы спокойно, классически просто идем...» (Г. Иванов) [11, с. 439].

Пространство возвращения – это в известном смысле пространство общей памяти петербургских поэтов, поэтому мотив возвращения в Петербург связан с мотивом воспоминания: «Десять лет прошло, и мы не в силах / Этого ни вспомнить, ни забыть. / Тысяча пройдет, не повторится, / Не вернется это никогда» (Г. Адамович) [7, с. 79]; «Над широкой Невой догорал закат, / Цепенели дворцы, чернели мосты – Это было тысячу лет назад, / Так давно, что забыла ты» [11, с. 265]; «Блаженней с каждым днем и с каждым часом глуше / Наш чудный Петербург припоминаем мы» (Г. Иванов) [11, с. 500].

Образы виртуального пространства обладают ментальной реальностью, ничуть не менее плотной, чем реальность окружающего героя мира. Поэтические приемы совмещения двух миров характерны и для Г. Иванова («Четверть века прошло за границей...»), и для Г. Адамовича («Ты здесь, опять... Неверная, что надо...»): «С каким-то невским ветерком от Сены / Летят как встарь послушные слова, / День настает почти нездешне яркий, / Расходится предутренняя мгла, / Взвизывает над Елисейской аркой / Адмиралтейства вечная игла...» [7, с. 68]. Образами-интегратами выступают здесь «невский ветерок от Сены», совмещающий функции своего и чужого пространства, архитектурные образы Елисейской арки и Адмиралтейской иглы, задающие вертикальные отметки пейзажа.

Материализация желания вернуться осуществляется для Г. Иванова именно в петербургском локусе:

Я вернусь – отраженьем – в потерянном мире.
И опять, в романтическом Летнем Саду,
В голубой белизне петербургского мая,
По пустынным аллеям неслышно пройду,
Драгоценные плечи твои обнимая [11, с. 439].

И для Г. Иванова, и для Г. Адамовича Петербург – ментальная реальность, наделенная самым высоким ценностным статусом как самый желанный локус возвращения.

Третья лексема, появляющаяся у Г. Иванова в позиции локатива при глаголах передвижения, – *домой*: «Я хотел бы улыбнуться, / Отдохнуть, домой вернуться...» [11, с. 388]. Синтагмы *глагол передвижения+домой* помещаются в различные модальные рамки, указывающие на амбивалентность оценки совершаемого действия и балансирование героя между физическим невозвращением и ментальным возвращением: «Никогда не вернемся домой» [11, с. 336], «Если некуда больше податься / И никак не добраться домой...» [11, с. 581], «Замученное сердце радо / Тому, что я домой бреду» [11, с. 403], «Как будто мы пришли зимой / С вечерни в церковке соседней / По снегу русскому, домой» [11, с. 578].

Дом у Г. Иванова – многоплановый символ, сочетающий представление о жилище, родине и последнем прибежище человека в вечности («тихий дом из синего льда» [11, с. 524]). Сочетание мотивов возвращения в дом и смерти – общая черта мотивики Г. Адамовича («Летит паровоз, клубится дым...», «Был дом, как пещера. / О, дай же мне вспомнить...») и Г. Иванова:

Ближе к снегу, к белой пене,
Ближе к звездам, ближе к дому...
... И растут ночные тени,
И скользят ночные тени
По лицу уже чужому [11, с. 270].

Г. Ивановым регулярно концептуализируется начальная точка движения, при этом она, как правило, подвергается отрицательной оценке. Стихотворения, содержащие оценку, строятся по моделям противопоставления там / здесь, свой / чужой: Там (в северной царской столице): Я – весь – настоящий. Здесь: «Эмигрантская была мне всего только снится – / И Берлин, и Париж, и *постылая* Ницца» [11, с. 586]. Там: «буду я прославлен и богат, / Своей страны любимейший поэт...» [11, с. 558]. Здесь: «И в fosse commune мой нищий ящик-гроб / Не сбросят в этом богомерзком Йере» [11, с. 558]. Там (в России): жизнь, (мертвые) друзья. Здесь: «...очутился / В этой *глухой европейской дыре*» [11, с. 401], покой. В полном соответствии со стилистикой «парижской ноты» оценки Г. Адамовича более сдержанны и приглушены: «На земле была одна *столица*, / Все другое – просто города» [7, с. 79].

Ивановская вариация топологической схемы возвращения появляется в одном из последних стихотворений «Посмертного дневника» – «За столько лет такого маянья...» (1958).

Место начальной точки когнитивно-пропозициональной схемы пути занимает у Г. Иванова отвлеченное «маянье». Это отглагольное существительное зафиксировано в словаре В. Даля [8], где оно отсылает к однокоренным глагольным

формам. Семантика глагола «маяться» совмещает в себе значения физических и моральных страданий: «1. Жить в крайне тяжелых условиях, переносить лишения. 2. Испытывать физические или нравственные страдания; томиться, изнывать» [9, т. 2, с. 240]. Употребленное с локализатором «по городам чужой земли» [11, с. 578] «маянье» вызывает представления о ненаправленном, хаотическом, бессмысленном перемещении и в этом своем качестве оказывается противопоставленным трижды повторенному глаголу «прийти», обозначающему движение направленное, целеустремленное, завершающееся в конечной точке.

Первый раз этот глагол употреблен во фразеологически связанном значении «проникнуться чувством» [9, т. 3, с. 412]: «прийти в отчаянье». Во второй раз, будучи помещенным в сильную позицию конца строки, как будто восстанавливает свое предметное значение глагола перемещения: «идя, следуя куда-л., достичь какого-л. места» [9, т. 3, с. 412]. Правда, это место – материализованное отчаянье – обладает не менее сильной отрицательной оценкой, чем «маянье».

Наконец, в третий раз глагол употребляется в составе развернутой метафоры:

– В отчаянье, в приют последний,
Как будто мы пришли зимой
С вечерни в церковке соседней,
По снегу русскому, домой [11, с. 578].

Эстетический эффект воздействия на читателя достигается концептуализацией отчаяния как последнего приюта и последующим преодолением трагизма ситуации, ее перенесением в возможный мир, где герои совершают такое же направленное движение, но уже к желаемой точке перемещения – к дому. Занимая аналогичное положение в типологической схеме пути как ее финальная точка, именно *дом* оказывается единственным противовесом и контекстуальным антонимом отчаяния. Принадлежность этого дома ментальному пространству покинутой родины подчеркивается средой перемещения – «по снегу русскому».

Снег в поэзии Г. Иванова является антиномичным образом. Он может выступать символом давящей силы, вызывая представление о «снежной тюрьме» («Стоят рождественские елочки, / Скрывая снежную тюрьму» [11, с. 387]), знаком пустой бесконечности («Снега, снега, снега... А ночь долга, / И не растают никогда снега» [11, с. 299]). Но в приведенном стихотворении лексема «снег» сохраняет традиционные для эмигрантского текста русской литературы положительные коннотации (ср. также: «Проснуться, чтоб увидеть ужас, / Чудовищность моей

судьбы. ... / О русском снеге, русской стуже... / Ах, если б, если б... да кабы...» [11, с. 555]).

Лексема «снег» в поэзии Г. Адамовича, сопровождаемая эпитетами «призрачный» и «небесный», отсылает к мотиву памяти о России, является ее знаком-индексом. Этот образный компонент концепта (не)возвращения можно считать поэтическим инвариантом.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

В творчестве Г. Иванова концепт возвращения «проработан» более подробно: его лексические репрезентации отличают семантическая плотность и образная вариативность. Поэтическая палитра Г. Адамовича аскетичнее, зато ему принадлежит программный («сильный») текст, выражающий идею (не)возвращения: «Когда мы в Россию вернемся...».

По типологии концептов (не)возвращение относится к концептам-гештальтам: в нем тесно спаяны образные и логические компоненты. Логическое ядро концепта задано топологической схемой пути, каждая точка которой «обрастает» образно-символическими ассоциациями.

Приядерную зону концептуального поля составляют ассоциативно связанные с идеей возвращения языковые образы России, снега, Петербурга, общие для обоих поэтов. Отличия в переупорядочивании базовой схемы движения состоят в концептуализации способа и среды перемещения в текстах Г. Адамовича, разветвленной образной интерпретации конечной и начальной точек пути в лирике Г. Иванова.

Логически возвращение осмыслено поэтами как его невозможность: «Твоя душа должна / Почувствовать – к былому нет возврата» (Г. Адамович) [7, с. 68]; «Мы только гости на пиру чужом, / Мы говорим: былому нет возврата» (Г. Иванов) [11, с. 503], в то время как образный и эмоционально-оценочный слои концепта неоднозначны.

Антиномичный характер концепта подтверждается как его лексическими репрезентациями, так и амбивалентностью оценки самой идеи и возможности возвращения на родину.

Список литературы

1. Коростелев О. А. Краткая хроника жизни и творчества Г. В. Адамовича // Адамович Г. Полн. собр. стихотворений / сост., подг. текста, вступ. ст., примеч. О. Коростелева. СПб. : Академический Проект ; Эльм, 2005. С. 375–382.
2. Тарасова И. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. Саратов : Научная книга, 2016. 222 с.
3. Тарасова И. А. Образ или концепт? К вопросу о категориях авторского сознания // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты : материалы Междунар. школы-семинара (V Березинские чтения). М. : Академия социального управления, 2009. С. 262–267.
4. Пименова М. В. Парные, бинарные и эквивалентные концепты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. Вып. 14. С. 125–133.
5. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен. М. : Русские словари, 2000. 416 с.
6. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ текста. Теория и практика. М. : Флинта ; Наука, 2003. 496 с.
7. Адамович Г. Полн. собр. стихотворений / сост., подг. текста, вступ. ст., примеч. О. Коростелева. СПб. : Академический Проект ; Эльм, 2005. 398 с.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1–4. СПб. ; М. : Т-во М. О. Вольф, 1903–1911. URL: <http://slovari.ru/> (дата обращения: 09.08.2022).
9. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999.
10. Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте. 2-е изд., перераб. М. : Флинта, 2012. 196 с.
11. Иванов Г. В. Собр. соч. : в 3 т. Т. 1. Стихотворения. М. : Согласие, 1994. 656 с.
12. Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М. : Прогресс ; Культура, 1995. С. 259–367.

Поступила в редакцию 22.08.2022; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 30.01.2023
The article was submitted 22.08.2022; approved after reviewing 24.10.2022; accepted for publication 30.01.2023